

ЩИТ АХИЛЛА

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2024 г.

Аннотация: понимание сущности экфрасиса, нацеленного на стереоскопическое отражение, восприятие и воспроизведение исторических реалий прошлого с опорой на знания слушателей-современников, позволяет вывести наблюдение о твердых исторических (историко-эпических) основах «Илиады» и «Одиссеи». Они демонстрируют сращивание архетипических, уходящих в глубокое прошлое, и действительных, продиктованных реалиями исторического развития греческого общества представлений на уровне мифопоэтического сознания.

Ключевые слова: Гомер, Ахилл, экфрасис, мифопоэтическое сознание, ойкумена, континуум.

Abstract: understanding the essence of ecphrasis, aimed at stereoscopic reflection, perception and reproduction of historical realities of the past based on the knowledge of listeners of contemporaries, allows us to deduce the observation of the solid historical (historical-epic) foundations of the Iliad and the Odyssey. They demonstrate the fusion of archetypal, deep-rooted in the past, and real, dictated by the realities of the historical development of Greek society, ideas at the level of mythopoetic consciousness.

Key words: Homer, Achilles, ecphrasis, mythopoetic consciousness, ecumene, continuum.

В XIII Песне «Илиады» отвлеченный любовью своей божественной супруги Геры Зевс перестал оказывать поддержку троянцам. Сидя на горе Ида, он обзирал окрестности. Довольно скоро в фокус внимания отца Олимпийских богов попали пастушеские племена северо-востока античной ойкумены – гиппемолги, млекоеды и абии (Ном., II, XIII, 1–5). Пока он занимался их наблюдением, Гера успела вернуться в боевой лагерь осаждавших Троию ахейцев и помочь им в отражении атаки троянцев на их выгашенные на берег моря корабли.

Этот отрывок из гомеровской поэмы ставит множество вопросов:

– Кто такие ахейцы и троянцы?

– Почему Гера помогает первым, а Зевс, казалось бы, глава Олимпийского пантеона греков, оказывает покровительство их противникам?

– Кого символизируют собой гиппемолги, млекоеды, абии, и причем тут гора Ида близ р. Скамандра в Малой Азии, на которой восседает Зевс?

– Имеют ли они какое-либо отношение к периферийным племенам греческой ойкумены в античной традиции вообще и гиперборейам Геродота в частности?

Иными словами, свидетельство гомеровской поэмы является весьма симптоматичным. Оно вводит не только в круг эпических и религиозных представлений древних греков гомеровской эпохи, но и требует исторического объяснения указанных аспектов с точки зрения истории [1].

Мировоззрение греков отображено в поэмах Гомера [2]. Наиболее древнейший пласт его отложился в «Илиаде». Круг земель, который изобразил поэт на щите Ахилла, – его прогностическая карта [3; 4, р. 198]. Она свидетельствует о сложности, неоднозначности, противоречивости и сращивании архетипических, уходящих в глубокое прошлое, и действительных, существующих в настоящее время, представлений на уровне мифопоэтического сознания, продиктованных реалиями исторического развития греческого общества второй половины VIII в. до н. э. [5; 6, р. 4–8, 16–17].

Впрочем, против такого понимания высказываются и противоположные точки зрения. Одним из первых негативную оценку историческому прошлому греков дал Э. Курциус, который, следуя афинскому историку Фукидиду, считал, что у греков не было предания о том, что они пришли откуда-либо в свою землю, как это было с говорившими на санскритском языке арийцами [7, с. 31].

В настоящее время указанное представление о древнейшем прошлом древних греков и процессе этногенеза их самих ставится под большое сомнение [8]. Главной причиной его распространения становится количество постоянно увеличивающихся данных в пользу наличия общих черт языка, культуры, идеологии, образа жизни древнейших греков и ведических ариев [9; 10]. Они заявляют о себе, начиная от сходств содержания эпических поэм двух народов до отраженного в них и в памятниках археологии общности образа жизни [11, р. 17]. Они прослеживаются в упоминаниях о ведении войн как древнейшими греками, так и ведическими ариями за скот [12,

р. 90–114]. На наличие общего прошлого двух родственных между собой народов указывают данные об одинаковых способах ведения войны (колесницы и типы оружия ахейских греков и ведических ариев) [3; 4, р. 176–216], не говоря уже о множестве других параллелей в именах богов, религиозных представлениях, культовой практике и погребальном обряде [13; 14, с. 127; 15–18].

Указанные сходства заставили выявить в пластах античной традиции, начиная с мифологии, множество важнейших представлений, восходящих своим содержанием к эпохе индоевропейской, а в ее рамках греко-арийской общности [18]. Более того, как полагает большинство специалистов, в «пространственном модусе» [4, р. 98] в описании Гомером щита Ахилла, изготавливаемого эпическому герою богом Гефестом по заказу его матери Фетиды, проявляется тот пласт представлений¹, который впоследствии определяет историко-географические взгляды первых греческих историков до Фукидида [24].

Обратимся к тексту. Гомер пишет:

«Там представил он землю, представил и небо, и море,

Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,

Все прекрасные звезды, какими венчается небо:

Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,

Арктос, сынами земными еще Колесницей зовымый;

Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана».
(Илиада. XVIII, 482–489, пер. Н. Гнедича).

Данный фрагмент эпической поэмы, включая свидетельство о географической карте, как и «Илиада» в целом, получил самые противоречивые и продолжающиеся дискутироваться оценки не только в связи с пониманием отложившихся в нем смыслов и их интерпретации, но и, главным образом, в отношении историчности своего содержания².

¹ Пространственно-временной континуум как систему отношений открыл А. Эйнштейн. Именно он, обнаружив связи между пространством и временем, определил, что эти два понятия нужно рассматривать нераздельно. Союз пространства и времени он назвал пространственно-временным континуумом. Это открытие подтолкнуло его к гипотезе, что разница между настоящим, прошлым и будущим – иллюзия. Время стоит рассматривать как поток «снимков» реальности, сделанных в разные моменты. Сложив квинтиллионы этих снимков, мы получим то, что называется пространственно-временным континуумом, или пространством-временем как модусом пространства. Спорность (иллюзорность) проблемы отмечена специалистами. См.: [19; 20; 21, с. 13; 22; 23, р. 48, 107].

² О. М. Фрейденберг рассматривает в ней наличную множественность противоречивых и порой противоположных тенденций: очевидные свидетельства, перечисление извест-

Прежде всего полемика затронула само понимание сюжета «Илиады» со щитом Ахилла. Например, по мнению Л. Мюллера, его описание Гомером включает в себя больше, чем просто процедуры. «Оно, – указывает он, – также содержит изложение принципов и допущений, лежащих в его основе, и примеры их использования» [3]. Следовательно, полагает ученый, задача исследователя состоит в том, чтобы терпеливо восстановить поэтическую и культурную ткань, которая была раскрыта эпическим поэтом как данность для своей (тоже эпической) аудитории, восстановить резонансы и связи традиционной системы исполнения эпической поэмы [Ibid.].

К исследованию проблемы обращались с самых разных позиций: в поисках языковых связей, реконструкции и изучения закономерностей изобразительного, зрительно воспринимаемого визуального смысла, анализа повествовательно-литературной филологии текста и т. п. [28, с. 15, 21–22; 29; 30, с. 7; 31, р. 12; 32]. Применяемые к исследованию «Илиады» подходы, прежде всего историко-филологического порядка, имели своим следствием констатацию факта, согласно которому эта эпическая поэма – ис-

ного по памяти, вставки каталогов кораблей и списков участников, детальность и необобщенность описания, отсутствие иерархии и отбора, кумулятивное повествование, *praesens historicum*, ретардацию, сравнение и экфразу. «Дефекты» древних описаний – это первые шаги реализма и натурализма, появляющихся в эпосе, в котором представления об устройстве мира, боги, герои и сюжет все еще мифичны. А человеческий мир появляется в показе, экфразах вещей. Эпос подкрепляет миф реальностью, а архаическая лирика сравнивает с богами людей, подкрепляя реальность мифом. Эпическое мирозерцание, в корне антиреалистическое, одевает в бытовое платье свои космические образы, а греческая лирика, реализмом рожденная, опирается на религию и миф. По мнению Н. В. Брагинской, экфрасис у О. М. Фрейденберг имеет особый смысл: это описания вещей, того, что сделано руками. В то же время и сами изделия ремесел выступают в качестве материальных источников, или дословесных «описаний» предметно-чувственного восприятия сложившегося в общественном сознании архетипа восприятия как эпического героя, так и парадигмы совершаемых им подвигов с использованием рецепций, почерпнутых из мифа, который таким же образом определял смысл используемых человеком вещей. С этой точки зрения, представление о мифичности семантики древних вещей должно восприниматься весьма осторожно. Технологический процесс изготовления вещи, в нашем случае щита Ахилла Гефестом, отображая действительность, содержит информацию о конкретных производствах (ковке, обработке, покрытии щита листами меди и т. п.), которые, имея косвенное отношение к герою, содержат дополнительные его характеристики. В этом смысле трудно согласиться как с О. М. Фрейденберг, так и с Н. В. Брагинской в том, что сокрытые в экфрасисе описания есть доказательство семантической мифичности вещей, отраженной в предшествующих экфразах «описаниях»ковки и выполнения других операций, изображающих миф в фазе его рождения и гибели. См.: [25, с. 21; 26, с. 66; 27, с. 14, 19].

точник огромных масштабов, развивавшийся в пространстве и времени [33–36; 37, р. 35–52; 38, р. 23].

Ученых, которые занимались вопросом повествовательности или дескриптивности сцен или изображений XVIII Песни «Илиады», можно разделить на три группы: 1) тех, кто придерживается точки зрения ее описательности [39, с. 41–46, 326–327] (как Джулиани); 2) тех, кто утверждает, что она носит повествовательный характер [40, р. 12]; 3) тех, кто видит в ней комбинацию повествования и описания (большинство ученых) [2].

Среди существующих взглядов можно выделить те, которые, принимая филологическую природу текста и законы эпического жанра, пытаются дать объяснение историческому содержанию повествования о щите Ахилла в поэме Гомера. Так, например, В. Петерс полагает, что оно отображает мировоззрение греков в такой же степени, как описание Вергилием щита Энея – мировоззрения римлян [32, р. 95]. В указанном отношении щит Ахилла, по ее мнению, представляет собой микрокосмос, определение которого с использованием законов вокала и дикции производится *способом переноса внимания слушателя из одного места в пространстве и времени в другое* [Ibid.]. Но самое важное наблюдение исследовательницы состоит в определении содержания XVIII Песни «Илиады» Гомера как рассказа о микрокосме уже во многом утраченного к началу Троянской войны пастушеского мира [Ibid., р. 99].

Еще более показательны в указанном отношении определения Г. Надя. Пожалуй, он высказался одним из первых о сущности представлений древних греков, отложившихся в описании щита Ахилла. По его мнению, микрокосм Ахилла – это греческий полис в состоянии войны и мира [36, р. 194–197]. Приводя доказательства, сохранившиеся в текстах табличек линейного письма В, Г. Надя выводит заключение, согласно которому изображения на щите Ахиллеса оставляют проход из прошлого в виртуальное настоящее, тем самым раскрывая замысел «Илиады» [Ibid., р. 195]. Мир, изображенный в поэме, представляет собой соотношение между собой законченной истории прошлого времени и продолжающегося, связанного с генезисом полиса, настоящего. На изобразительных кругах щита Ахилла, как считает ученый, поэт в противовес изменениям и метаморфозам, происходящим с персонажами, демонстрирует закрытый и неизменный мир, противопоставленный характеризующему его открытость миру «Илиады» в целом [Ibid., р. 199].

Таковую же концепцию отстаивает и колумбийский ученый А. Ф. Флорес, который сопоставление космоса и полиса рассматривает в качестве инструмента введения в повествование реалий как прошлой (древней), так и современной Гомеру истории [41]. Вы-

ступающий эталоном поэтической конструкции щит Ахилла, по его мнению, есть связующее звено повествования, соединяющего воедино космос и мир греческого полиса [Ibid., р. 34]. При этом космология полиса приобретает зримые «географические» границы, отображенные в порядке повествования о его изобразительных рядах, которое демонстрирует повествование о пространственно-временной связи и границах между миром космоса и миром людей [Ibid., р. 35–36]. Примечателен с нашей точки зрения и другой вывод автора: щит Ахилла не является ни теогонией, ни тем более космогонией, но его можно понимать как описание мира человека, предназначенное для понимания им самого себя [Ibid., р. 56].

Реконструкции щита и различным историческим событиям, изображенным на нем, посвящена интересная монография К. Вэйль. Весьма существенные аспекты затронуты в публикации А. Юнга и специальной статье Н. Купмана.

А. Юнг пошел дальше своих коллег. Он высказал соображение, что щит Ахилла – это не просто соединение двух миров – космического и мирского, мира прошлого и настоящего. По его мнению, его описание тесно связано с сюжетом «Илиады» в самом конкретном эпико-историческом смысле: Ахилл, как один из главных героев поэмы, изображен между двумя мирами – своей родиной Фтией и полем битвы под Троей [42]. В исследовании одного из исторических пластов исследователь обнаруживает необходимость понимания щита Ахилла как своего рода компаса, в пользу чего свидетельствует изображение Гефестом звезды Арктос (Полярной), которая, как и все созвездие, выполняла функцию определения координат морских плаваний [Ibid.]. С учетом жанра эпической поэмы и ее тематики автор приходит к весьма важному заключению. Щит Ахилла, по мнению А. Юнга, – «зеркало как поэмы, так и судьбы Ахилла, известных греческому слушателю эпохи архаики» [Ibid.].

С точки зрения выяснения повествовательности или описательности экфрасиса щита Ахилла в поэме подошел датский исследователь Н. Купман [43, р. 101–102]. Опираясь на филологические разработки проблемы соотношения повествовательности и нарративности в «Илиаде» вообще и XVIII Песне, посвященной рассказу об изготовлении Гефестом щита Ахилла по заказу Фетиды в частности, он выводит наблюдение, согласно которому здесь мы сталкиваемся с парадоксом соединения описательности и повествовательности (т. е. перечисление элементов и деталей изображения в последовательности повествования поэта о них). «В то время как текст в основном организован описательно, – указывает он, – изображения несут повествовательный характер. Тот факт, что описательный текст может ссылаться на повествовательный образ, в основном объясняется ис-

пользованием глаголов несовершенного вида. Последние могут обозначать не только статическое состояние (как в XVIII, 491), но и продолжающееся событие [Ibid., p. 103]. Определяя щит Ахилла как состоящий из смешения нескольких фриз-изображений разного типа, отмечая непоследовательность, прерывность, незаконченность как повествований, так и описаний, ученый подводит к мысли, согласно которой созданный богом щит Ахилла, рассматриваемый как поэтический экфрасис, помогает понять сущность всего эпического изложения [Ibid., p. 166]³.

Целостная картина с учетом исторической перспективы и полихромности аспектов, соединенных в сюжете об изготовлении Гефестом щита Ахилла в сочетании с пониманием дуалистического, отображающего уровень развития общественного сознания греков эпохи архаики, стала результатом осмысления XVIII Песни «Илиады» греческих ученых Г. Каллигеропулоса и С. Василиду [2, p. 443–450].

По их мнению, щит представляет собой целостность, более широкую, чем сам эпос. Его значение состоит в том, что в его представлении, как описательном, так и изобразительном, в поэтической форме дана информация об уровне теоретических и практических (технично-технологических) знаний населения гомеровского полиса [Ibid., p. 443]. Более того, как полагают эти исследователи, «Илиада», отображая сохраняемые ценности и представления греков, обобщает тогдашние исторические знания в форме всеобщей истории, предлагая ее авторскую концепцию [Ibid., p. 444].

Но и этим не исчерпывается место и значение рассказа о щите главного героя поэмы. Щит Ахилла – это универсальная модель мира, человеческого и природного, передаваемая самым рациональным образом, модель его устройства, которая как предвосхищает моделирование социальной структуры греческих полисов в трудах Аристотеля, так и, имея форму небольшого введения, закладывает основы диалектического философского метода с его дихотомией и цифровым анализом мира по категориям [Ibid., p. 443]⁴.

Греческие специалисты, как нам представляется, ближе всего подошли к пониманию ценности той

³ Эвкрастический стих представляет собой поэзию, служащую для описания какого-либо произведения искусства, которое очень важно как само по себе, так и с точки зрения олицетворяемого им образа гармонии населенной людьми ойкумены на всех уровнях ее эпического, мифопоэтического восприятия и исторической рефлексии в общественном сознании населения Гомеровской Греции [26, с. 69].

⁴ В этом смысле греческие специалисты возвращаются к концепции Г. Штрасбургера, по мнению которого, Гомер влиял на греческих историков не только в области языка и стиля, но и в том, что мы называем научной основой греческой историографии [44, с. 18; 45, с. 24].

информации, которая содержится в описании щита Ахилла Гомером. В развитие предложенной ими трактовки можно добавить, что, с точки зрения затронутых в нем событий, эпос как эпопея охватывает сразу и одновременно множество самых разных планов: прошлое, настоящее и будущее. Если данное наблюдение верно, то щит Ахилла надо рассматривать и как фокус рассмотрения, и как результат концептуально сформулированных обобщений, и как виртуальное зеркало, довольно точно отображающее исторические реалии, отдельные из которых еще предстоит понять. При этом всегда надо помнить, что сюжет со щитом Ахилла в эпической поэме – всего лишь художественный образ, отображающий описание визуально воспроизводимого речью поэта описания материального предмета и памятника художественной культуры, которое основывается на действительных знаниях, синкретизме и их синтезе⁵.

Необходимо отметить, что в историографии свое место заняли труды, в которых исследовалась эмпирическая природа щита Ахилла. Одной из рядовых попыток такого типа является перевод XVIII Песни «Илиады», предложенный И. Д. Йонгом со ссылкой на Н. Д. Свифта, с авторским комментарием способа отображения в ней исторической действительности, окружавшей время жизни поэта, действительности [48, p. 11; 49]. Это нашло, по его мнению, конкретное выражение в формулировке мысли о щите как необходимом Ахиллу инструменте завоевания в бою Kleidos (вечной славы). А то, что сам щит находил материальные аналоги среди распространенных в годы жизни поэта вооружений и защитных доспехов, по мысли Н. Свифта, выступало конкретизацией точности свидетельств эпического поэта [48, p. 11].

Таким образом, имевшие место проблемы в историографии, особенно на современном этапе поиска, развивались по многим направлениям, неизбежно выходя на историческое объяснение поэтических образов и эпических сюжетов, в конце концов, актуализировали аспект, который связан с отображенностью пространства и времени в эпических поэмах вообще и соотношения в них эпического и исторического уровней в поэмах Гомера в частности [14; 28; 35; 50–56].

Как можно было убедиться, особенно часто ученые исходили из присутствия в сюжете XVIII Песни «Илиады» представлений о щите Ахилла как проявлении поэтического экфрасиса (текстового описания визуально наблюдаемого произведения искусства)

⁵ Такая постановка вопроса не исключает отраженности в «Илиаде» факта знакомства современников Гомера как с изобразительными кругами керамики Кикладской культуры стиля кампос, так и с более близкими времени жизни поэта действительными боевыми щитами периода «темных веков греческой истории» [34; 46, с. 49; 47].

[26, с. 66; 57, с. 28; 58, р. 938]. Другие пытались интерпретировать свидетельство с точки зрения географических представлений эпохи архаики [24, с. 53–71; 59, с. 14; 60; 61]. Третьи рассматривали его с точки зрения специфики античных представлений вообще и об окружающем человека микро- и макрокосмосе в частности. О. М. Фрейденберг, например, полагала, что античной художественной мыслью управляла конкретность и конкретные смыслы. «Вся суть заключается в том, – указывала она, – что мы имеем дело не с рудиментами, а со специфическим для античности познавательным процессом, в котором старая система мысли играла творческую роль» [25, с. 10]⁶. Иными словами, постановка проблемы и ее решение исходили из известного определения, согласно которому миф даже в отображении пространственно-временных представлений представлял собой арсенал и почву античной культуры, а следовательно, утверждался постулат о реалистически бытовом колорите эпической картины мира.

Однако среди специалистов, в особенности работающих в области физики, математики и компьютерных технологий, тоже затрагивалась проблема, имеющая прямое отношение к восприятию пространства–времени человеком, в особенности к сущности самого содержания данного понятия, введенного в научный оборот А. Эйнштейном и развивавшегося в естественных науках и философии на протяжении всего XX в.

Составной частью указанных представлений является отношение отдельных лингвистов, филологов-классиков и историков-антиковедов к фантастической природе мифа – той весьма примечательной, но абсолютизируемой одними (и оспариваемой другими) его сущности, которую усматривают в нем придерживающиеся традиционных взглядов специалисты-гуманитарии.

Альтернативный подход к ее определению, разработанный учеными-физиками, гласит: фантазия – это отображение существующей реальности (дословно: «реальности, которая есть») [21, с. 13]. Более того, на каждом шаге своей «эволюции» она представляет собой сцепленное квантовое состояние бытия как гигантской квантовой системы [там же, с. 51]. Установлена и причина такого явления. По мнению Г. Вейля, сценой действия реальности является не трехмерное евклидово пространство, а четырехмерный мир, в котором пространство и время взаимосвязаны [62; 63, с. 6, 319]. Они наполнены материей [64, с. 13], а это в восприятии информации о щите Ахилла долж-

⁶ Исследовательница конкретизировала свою мысль указанием на то, что «героический мир, мир сверхъестественный, постоянно подкрепляется ссылкой на нечто реальное». «Гомеровские сравнения, – указывала она, – как и экфразы, всегда имеют реалистическую наружность». См. также: [26, с. 66].

но ориентировать на отложенность в этой эпической поэме исторических представлений эпохи греческой архаики, а стало быть, позволит понять историчность свидетельств эпоса как древнейшей формы обобщения действительных знаний, имевших место в прошлом⁷. Особенно важно, что устанавливаемая математиками и физиками закономерность проявляется в общественном мифопоэтическом сознании древних греков. Мифопоэтическому мышлению свойственна связь пространства и времени, что и прослеживается в мировосприятии гомеровских греков [65, с. 220–221].

Собственно, это дает основания для качественно иного, чем ранее, понимания данных Гомера. Анализ конкретных свидетельств позволяет выстроить иерархическую цепочку имеющихся в тексте поэмы определений. Гомер дает подробное описание изображений, демонстрирующих соединение самых разных пространственно-временных, астрономических и обыденных, личных (или известных по переказам очевидцев) экфразических по своей сути впечатлений.

Они подразделяются (и это хорошо заметно) на представления в общественном сознании, используемые поэтом. К ним относятся описание Земли как круга, границей которой является размещенная по ее краю река Океан (Ном., II., XVIII, 607–609). Такой же тип представлений просматривается в повествовании эпического поэта о Земле на фоне неба, моря, солнца, луны и созвездий (Ном., II., XVIII, 484–489). А вот рассказы поэта о земледелии и скотоводстве (Ном., II., XVIII, 541–549; 550–560; 561–572; 573–586; 587–589), сельских празднествах с танцами юношей и девушек, демонстрирующие авторское знакомство с сюжетами фресок Минойского Крита и Микенской Греции, напротив, свидетельствуют об авторском знании их сюжетов (Ном., II., XVIII, 590–606). Поскольку грекам эпохи архаики был свойственен эллиоцентрический тип устройства Вселенной⁸, надо думать, что повествование ведется от центра щита, представляющего собой пуп Земли в Дельфах, к его краям, концентрические круги которого демонстрируют соединенную поэтом воедино информацию как о давно пережитом прошлом, так и о современной поэту украшающей щит исторической действительности (упоминания о двух городах, в первом из которых им отмечено народное гулянье, связанное со свадьбой, а второй упоминается в связи с его осадой

⁷ Со времени Ю. В. Андреева и Л. С. Клейна такая оценка неоднократно высказывается в специальной литературе [14; 55; 64; 65].

⁸ В пользу такого понимания указывает присутствие в тексте поэмы упоминаний о звезде Арктос и Созвездии Орион [66; 67, с. 66; 68; 69; 70, с. 364; 71, с. 140–141].

противником, засадой и битвой) (Ном., П., XVIII, 490–508; 509–540).

Данные наблюдения неоднократно высказывались по результатам анализа как описания Гомером изобразительных рядов щита Ахилла в целом, так и в интерпретации их отдельных сюжетов.

Щит Ахилла может быть прочитан (точнее, изображения на нем могут быть дешифрованы) самыми разными способами. Одна из интерпретаций состоит в том, что он представляет собой микрокосм цивилизации со всеми ее аспектами жизни. Гомер изображает на нем весь мир – природный и человеческий, землю, небо, небесные тела и неподвижные звезды, человеческие социальные отношения, города и занятия, а также внешнюю границу мира – Океан. Причем, если судить с современной точки зрения, он дает классификацию иерархии его составных частей по типам, категориям и видам.

Описание начинается с физического мира. Земля в полном соответствии с геоцентрической концепцией вселенной помещается в его середину. Вокруг Земли расположены окружающие ее и воспринимаемые человеком элементы мира – Небо, Солнце, Луна, небесный свод с неподвижными звездами (Полярной, Большой Медведицей, Орионом, Плеядами и Гиадами). В эту схему вставлена жизнь греческого полиса, а точнее, связанные с войной и миром картины истории его формирования. Стереоскопичность представления греческого полиса в поэме вообще и в описании щита Ахилла Гомером в частности проявляется в передаче текстом трех хронологических пластов информации (восходящей к XX–XVIII, XI–IX и VIII вв. до н. э.) об этапах истории греческого общества, включая пастушеско-скотоводческий (войны за скот – XVIII, 525–535), оседло-земледельческий образ жизни (XVIII, 540–565), экономику, политику (XVIII, 500–507), войну (XVIII, 510–515) и культуру (XVIII, 490–495; 590–605).

Все они – не что иное, как закрепленные в общественном сознании (и соотносимые между собой) представления о мироустройстве Вселенной с отложившейся в них информацией об образе жизни населенной людьми ойкумены. Ее границей выступает разделяющая макро- и микрокосмос, обтекающая Землю река Океан. С учетом округлости щита Ахилла, как и концентрических на нем кругов, это позволяет считать рассказ эпического поэта, принимаемый специалистами за линейный, циклической по своему типу формой изложения. Следовательно, отображая уровень мифопоэтического сознания, она фиксирует скрытые в ней самой соотношения и переходы от общего к частному и от сложного к простому. *Nostos* как идея возвращения, цикличность, как мировоззренческий и формирующий знание инструмент (а также основанное на нем убеждение) – вот что опре-

деляет повествование Гомера в «Илиаде» [28, с. 180; 43; 64, с. 73–74; 72; 73, с. 24; 74, с. 88–103; 75, с. 37; 76, с. 100–101; 77, с. 122; 78; 79, р. 90]. Оно выходит за рамки законов простой беллетристики и соединяет в себе две техники передачи смыслов. Характер изложения указывает, что за визуальными оценками изображений щита скрываются выраженные в языке поэмы определения, которые поэт использует с целью передачи своему слушателю исторической информации, т. е. производит фактическую передачу знаний, недоступных средствам изобразительного искусства, выступающего у него в качестве иллюстративного аргумента.

Констатация такого факта приводит нас к заключению, что сам экфрасис выступает той реальией описательно-повествовательного, художественно орнаментированного рассказа, которая сама по себе является продуктом формирования исторически конкретного типа мировоззрения. В нем предметно-чувственные восприятия дополнялись ассоциациями, почерпнутыми из постоянно растущих знаний об окружающем мире и из результатов расширения кругозора древних греков, обратившихся на базе античного способа производства к освоению морских пространств и расселению в пределах Средиземноморья.

Понимание повлиявшего на сущность экфрасиса мировоззрения греков эпохи архаики, представлявшего собой отражение в их общественном сознании результатов восприятия окружающей их действительности, позволяет определить его сущность как способа передачи полученных знаний. С этой точки зрения, он представлял собой стереоскопическое восприятие, отражение и воспроизведение исторических реалий прошлого, нацеленных (и опирающихся) на знания слушателей – современников из разных областей Греции. А это, в свою очередь, позволяет вывести наблюдение о твердых исторических (историко-эпических) основах содержания гомеровских поэм.

Главное, как показывает анализ изобразительных рядов щита Ахилла и их зрительно-образного, художественного описания (и восприятия), заключается в следующем. Они содержат информацию, которая для греков времени их создания имела интерес первостепенной важности: изменение образа их жизни, развитие мореплавания, формирование полиса, а не отошедшие на второй план их мифопоэтического сознания гипербореи [80, р. 3].

Таким образом, экфрасис представляет собой способ вербальной репрезентации визуального представления. Он включает в себя два ее уровня. Первичный (вербальный) слой – текст; вторичный (визуальный) слой – изобразительный ряд. Их восприятие и понимание, развивавшееся в пространстве и вре-

мени, отображая потребности и предпочтения слушателей, которые соответствовали устойчивой и сложившейся в обществах греческих полисов архаической эпохе, традиции, было ориентировано в первую очередь на слушателя-современника [81, с. 87].

В указанном отношении щит Ахилла – это не этногеографическая карта, а становящаяся архетипической метафорическая модель мира – образа исторической действительности, созданная на основе конкретных знаний [80, р. 3–50]⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писаревский Н. П. Миф и география : география и история в античном мифе / Н. П. Писаревский // *Via in tempore*. – История. Политология. – 2021. – Т. 48, № 3. – С. 501–520.
2. Kalligeropoulos D. Interpreting the Representations on the Shield of Achilles / D. Kalligeropoulos, S. Vasileiadou // *Science and Technology in Homeric Epics* / ed. by S. A. Paipetis. – Springer, 2008. – P. 443–450.
3. Mueller L. Discovery Procedures and Principles for Homeric Research / L. Mueller. – URL: http://chs.harvard.edu/chs/files/classics_issue3_mueller.pdf (дата обращения: 05.12.2022).
4. Nagy G. The Shield of Achilles / G. Nagy. – Budapest, 1988. – 216 p.
5. Braund D. Gyenos : Reflection Etymology in Colchis and Tales of Argonauts and Giants / D. Braund // *Environment and Habitation around the Ancient Black Sea* / ed. by D. Braund, V. F. Stolba and U. Peter. – Berlin ; Boston, 2021. – P. 321–334.
6. James A. Metal Maidens, Achilles' Shield, and Pandora : The Beginnings of "Ekphrasis" / A. James // *The American Journal of Philology*. – 2009. – Vol. 130, № 1. – P. 1–23.
7. Курциус Э. История Древней Греции / Э. Курциус. – Минск, 2002. – Т. 1. – 495 с.
8. Drews R. Militarism and the Indo-Europeanizing of Europe / R. Drews. – London ; New York ; Bombay ; Kalkutta, 1910. – 284 p.
9. Писаревский Н. П. Скифская «Индия» и кавказская «Ахайя» / Н. П. Писаревский // *Via in tempore*. История. Политология. – 2019. – № 4. – С. 217–228.
10. Raaflaub K. A. Historical approaches to Homer / K. A. Raaflaub // *Ancient Greece : from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer* / ed. by Sigrid Deger-Jalkotzy and Irene S. Lemos. – Edinburg, 2006. – P. 449–450.
11. Kaliff D. The Great Indo-European Horse Sacrifice 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid / D. Kaliff, T. Oestigaard. – Ödeshög, 2020. – 396 p.
12. Anthanassakis A. N. Cattle and Honour in Homer and Hesiod / A. N. Anthanassakis // *Ramus*. – 1992. – Vol. 21. – Iss. 2. – P. 90–118.
13. Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в Махабхарате / Я. В. Васильков. – СПб., 2010. – 398 с.
14. Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев / Л. С. Клейн. – СПб., 2010. – 496 с.
15. West E. B. A Quartet of Greco-Aryan Demigoddesses : Leukotea, Eidothea, Ulupi and Varga / E. B. West // *JIES*. – 2010. – Vol. 38, № 1. – P. 147–171.
16. Allen N. Hephaestus and Agni Gods and men on the Battle field in Greek and Sanskrit epics / N. Allen. – URL: mwww.quest-journal.net/ (дата обращения: 16.10.2022).
17. Allen N. J. Argus and Hanuman : Odysseus' dog in the light of the Mahabharata / N. J. Allen // *JIES*. – 2000. – Vol. 28. – Iss. 12. – P. 3–16.
18. Allen N. The common origin approach to comparing Indian and Greek philosophy / N. Allen // *Universe and Inner Self in Early Indian and Early Greek Thought* / ed. by Richard Seaford. – Edinburgh, 2016. – P. 12.
19. Иванов Вяч. Вс. До – во время – после / Вяч. Вс. Иванов // *Избранные труды по семиотике и истории культуры* : в 7 т. – М., 2009. – Т. 5: Мифология и фольклор. – 600 с.
20. Гуц А. К. Формализация новой космогонии Лема / А. К. Гуц // *Математические структуры и моделирование*. – 2014. – № 3 (31). – С. 48–56.
21. Гуц А. К. Сто лет абсолютного мира событий Минковского / А. К. Гуц // *Математические структуры и моделирование*. – 2017. – № 4 (44). – С. 13–51.
22. Жмурко Д. Ю. Современный взгляд на пространственно-временной континуум / Д. Ю. Жмурко // *Научный журнал КубГАУ*. – 2013. – № 89. – С. 14–15.
23. Ferraro R. Einstein's Space-Time : An introduction to special and general relativity / R. Ferraro. – New York, 2007. – 310 p.
24. Суриков И. Е. Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский. «Европа» / И. Е. Суриков // *ПИФК*. – 2019. – Вып. 3. – С. 53–71.
25. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М., 1998. – 800 с.
26. Фрейденберг О. Происхождение литературного описания (публикация и примечания Натальи Костенко при участии Нины Брагинской) / О. Фрейденберг // *Теория и история экфрасиса : итоги и перспективы изучения : монография / под ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской*. – Siedlce, 2018. – 703 с.
27. Брагинская Н. Показ, каталог, сравнение, экфраза : О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания / Н. Брагинская // *Теория и история экфрасиса : итоги и перспективы изучения : монография / под ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской*. – Siedlce, 2018. – 703 с.
28. Клейн Л. С. «Илиада» : эпос и история / Л. С. Клейн. – СПб., 2019. – 224 с.

⁹ Противоположной оценки придерживается защитившая в 2021 г. диссертацию в Карловом университете (Прага) Л. Валентинова [38, с. 11].

29. Гринцер Н. П. Гомер на рубеже эпох / Н. П. Гринцер // Шаги. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 23–53.
30. Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе / С. Ю. Неклюдов // Шаги. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 7–22.
31. Lambrow Io. Homer and the Epic Cycle : Dialogue and Challenge. PhD thesis / Io. Lambrow. – London, 2015. – URL: <https://www.google.ru/Lambrou%2520Thesis.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
32. Peters V. The Shields of Achilles and Aeneas : The Worlds Portrayed by Homer and Vergil / V. Peters // Hirundo : The McGill Journal of Classical Studies. 2008–2009. Vol. 7, Montreal. – URL: <https://www.doccity.com/en/the-shields-of-achilles-and-aeneas-the-worlds-portrayed-by/8742367/> (дата обращения: 01.10.2022).
33. Hooker J. T. Homer and late Minoan Crete / J. T. Hooker // JHS. – 1969. – Vol. 89. – P. 60–71.
34. Squire M. To Haunt, to Startle, and Way-Lay' : Approaching Ornament and Figure in Graeco-Roman Art / M. Squire // Ornament and Figure in Graeco-Roman Art : Rethinking Visual Ontologies in Classical Antiquity / ed. by N. Dietrich, and M. Squire. – Berlin ; Boston, 2018. – P. 9–14.
35. Stansbury-O'Donnell M. D. Reading Pictorial Narrative : The Law Court Scene of the Shield of Achilleus / M. D. Stansbury-O'Donnell // The Ages of Homer : A Tribute to Emily Townsend Vermeule / ed. by Carter, Jane B. and Sarah P. Morris. – Cambridge, 1995. – P. 315–334.
36. Nagy G. The Shield of Achilles. Ends of the Iliad and Beginnings of the Polis / G. Nagy // New Light on a Dark Age : Exploring the Culture of Geometric Greece / ed. Susan Langdon. – Missouri-Columbia, 1997. – P. 194–208.
37. Shelley W. S. Soma and the Indo-European Priesthood / W. S. Shelley. – New York, 2018. – 246 p.
38. Valentinova L. The shield of Achilleus. Minoan representational conventions in the Early Greek poetry and thought. Disertacni prace, 2021. Skolitel doc. Radek Chlup, Ph. D. C. II. / L. Valentinova. – URL: <https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/152451> (дата обращения: 03.12.2022).
39. Giuliani L. Bild und Mythos : Geschichte der Bilderzählung in der griechischen mKunst / L. Giuliani. – München, 2003. – 366 S.
40. Heffernan J. A. W. Museum of Words : The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashberry / J. A. W. Heffernan. – Chicago, 1993. – 249 p.
41. Flórez A. F. Kosmos y polis en el escudo de Aquiles / A. F. Flórez // Universitas Philosophica. – Bogota, 2011. – Vol. 56, A. 28. – P. 23–59.
42. Jung A. Shield of Achilles / A. Jung // ARAS Connections : Image and Archetype. – 2017. – Issue 2. – URL: <https://aras.org/newsletters/aras-connections-image-and-archetype-2017-issue-2> (дата обращения: 01.10.2022).
43. Koopman N. The Shield of Achilles (Il. 18.478–608) / N. Koopman // Ancient Greek Ekphrasis : Between Description and Narration. Five Linguistic and Narratological Case Studies. – Amsterdam, 2014. – 383 p.
44. Немировский А. И. Клио. У истоков исторической мысли / А. И. Немировский. – Воронеж, 1986. – 349 с.
45. Strasburger H. Homer und Geschichtsschreibung / H. Strasburger. – Heidelberg, 1972. – 44 S.
46. Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.) / Ю. В. Андреев. – СПб., 2002. – 862 с.
47. Squire M. J. Ekphrasis at the Forge and the Forging of Ekphrasis : The «shield of Achilles» / M. J. Squire // Word & Image. – 2013. – Vol. 29. – Iss. 2. – P. 170–180.
48. de Jong I. J. F. The Shield of Achilles : from metalepsis to mise en abyme / I. J. F. de Jong // Ramus. – 2011. – Vol. 40. – Iss. Jung A. Shield of Achilles 1. – P. 1–14.
49. Swift N. The Shield of Achilles Iliad 18.478-608 / N. Swift. – URL: <https://yandex.ru/search/?text=Swift+N.+The+Shield+of+Achilles+Iliad+18.478-608+%2F%2> (дата обращения: 15.07.2024).
50. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (Гомеровский период) / Ю. В. Андреев. – Л., 1976. – 141 с.
51. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории / Ю. В. Андреев. – Л., 1990. – 221 с.
52. Андреев Ю. В. История и миф / Ю. В. Андреев. – СПб., 2018. – 376 с.
53. Гиндин Л. А. Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. – М., 1996. – 328 с.
54. Клейн Л. С. Анатомия «Илиады» / Л. С. Клейн. – СПб., 1998. – 557 с.
55. Клейн Л. С. Расшифрованная «Илиада» / Л. С. Клейн. – СПб., 2014. – 574 с.
56. Becker A. Sp. The Shield of Achilles and the Poetics of Ekphrasis / A. Sp. Becker. – London, 1995. – P. 79–86.
57. Житенев А. А. Современные концепции экфрасиса и гносеологическая модель экфрасического текста / А. А. Житенев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология, журналистика. – 2021. – № 2. – С. 28–34.
58. Hulea L. Ecphrasis and Reversed Ekphrasis as Adaptation Processes / L. Hulea // International Romanian Humanities Journal. – 2015. – Vol. 6. – P. 932–938.
59. Суриков И. Е. Очерки об историописании в Классической Греции / И. Е. Суриков. – М., 2011. – 504 с.
60. Подосинов А. В. Где жили гипербореи Геродота – «у моря» или «за морем» / А. В. Подосинов // ПЕНТНΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре : сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О. Л. Габелко, А. В. Махлаюка и А. А. Синицына. – М., 2016. – С. 416–420.
61. Матвейчев О. А. Древние греки о самих себе. К проблеме генезиса греческой философии / О. А. Матвейчев // Философия и культура. – 2018. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-greki-o-samih-sebe-k-probleme-genezisa-grecheskoy-filosofii> (дата обращения: 20.09.2022).
62. Вейль Г. Относительность / Г. Вейль // Эйнштейновский сборник 1978–1979. – М., 1983. – С. 92–108.

63. Успенский П. Д. Tertium organum / Четвертое измерение / П. Д. Успенский. – Минск, 1998 (1-е изд. – Пг., 1916). – URL: https://royallib.com/book/uspenskiy_petr/Tertium_organum.html?ysclid=18mlmi77w7474796388 (дата обращения: 28.09.2022).
64. Бряник Н. В. История науки доклассического периода : философский анализ : учеб. пособие / Н. В. Бряник. – Екатеринбург, 2016. – 162 с.
65. Лебедева Ю. И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» / Ю. И. Лебедева // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 216–222.
66. Рабинович Е. Г. «Золотая середина : к генезису одного из понятий античной культуры / Е. Г. Рабинович // ВДИ. – 1976. – № 3. – С. 92–108.
67. Рабинович Е. Г. Незримое пространство / Е. Г. Рабинович // Евразийское пространство : звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М., 2003. – С. 64–83.
68. McInerney J. The Cattle of the Sun : Cows and Culture in the World of the Ancient Greeks / J. McInerney. – Princeton ; Oxford, 2010. – P. 90–114.
69. Рабинович Е. Г. Мифотворчество классической древности : Нумни Homerici. Мифологические очерки / Е. Г. Рабинович. – СПб., 2007. – 472 с.
70. Кулишова О. В. Дельфийский омфал : представления о географическом и сакральном центре у древних греков / О. В. Кулишова // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. – СПб., 2004. – Вып. 3. – С. 361–372.
71. Кулишова О. В. Дельфийский омфал : представления о географическом и сакральном центре у древних греков / О. В. Кулишова // ВДИ. – 2006. – № 4 (258). – С. 140–153.
72. Лосев А. Ф. Гомер / А. Ф. Лосев. – М., 1960. – 363 с.
73. Адо П. Что такое античная философия? / П. М. Адо. – М., 1999. – 317 с.
74. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М., 2003. – 312 с.
75. Строецкий В. М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. Ч. 1. Геродот / В. М. Строецкий. – Н.-Новгород, 2010. – 248 с.
76. Герасимова Г. И. Публичные коммуникации античности как ресурс связей с общественностью / Г. И. Герасимова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – С. 100–101.
77. Шевцов С. П. Парадокс «Илиады» : взгляд на философские основания Гомера / С. П. Шевцов // Scholē, СХОЛЭ. – 2020. – № 1. – С. 104–142.
78. Dowden R. Homer's sense of text : Homeric «Text», Cyclic «Text» / R. Dowden // The Journal of Hellenic Studies. – 1996. – Vol. 116, November. – P. 47–61.
79. Shrinivasan D. Concept of Cow in The Rigveda / D. Shrinivasan. – Dehly, 1979. – P. 26–34.
80. Nagy G. Homeric Responses / G. Nagy. – Austin, 2003. – 112 p.
81. Гринбаум М. С. Микенологические этюды (1959–1997) / М. С. Гринбаум ; отв. ред. член-корреспондент РАН Н. Н. Казанский. – СПб., 2001. – 245 с.

*Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент
кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru*

*Voronezh State University
Pisarevsky N. P., Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Archaeology and
History of the Ancient World
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru*